

ПАМЯТИ ПОЭТА ОЛЕГА ОХАПКИНА

30 сентября 2008 года в возрасте 63 лет скоропостижно скончался поэт Олег Александрович Охепкин.

Отпевание прошло 4 октября — день праздника Крестовоздвижения — в церкви Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади. Его совершили — клирик этой церкви отец Константин Константинов и специально прибывший друг покойного отец Борис Куприянов при большом стечении друзей и почитателей поэта. Конюшенная церковь, памятная отпеванием А. С. Пушкина, восстановленная при бесменном настоятеле этого храма — отце Константине Смирнове (также близком друге Олега Охепкина) стала поистине местом прощания с поэтами. Похороны состоялись после отпевания на Волковском православном кладбище.

Творчество Олега Охепкина малоизвестно широкому читателю, так как при жизни было опубликовано четыре небольшие книги. В рукописях осталось 15 тетрадей. Посмертная книга избранных стихов, которая готовится при поддержке близкого друга поэта — художника Михаила Шемякина, станет лучшей памятью о нем, как и во многом очень точная статья Виктора Кривулина, которую мы печатаем здесь с сокращением.

Отпевание в церкви Спаса Нерукотворного образа

Фото: Александра Вишневого

ОЛЕГ ОХАПКИН. ПОЭТ МЕЖДУ АФИНАМИ И ИЕРУСАЛИМОМ

Весна 1972. Квартира смертельно больной ленинградской писательницы Веры Пановой. Мы сидим втроем: муж Веры Пановой Давид Яковлевич Дар, умерший в начале 80-х в Иерусалиме, двадцативосьмилетний поэт Олег Охепкин и автор этих строк. Олег читает стихи. Кажется, это был «Въезд Господень в Иерусалим». По мере чтения лицо Дара оживает все более. Он слушает с каким-то радостным нетерпением.

«Олег, я слушаю Вас и — не поверите — явственно вижу, как у Вас за спиной вырастают крылья!» — эти слова Дара, сказанные в тот вечер, я хорошо запомнил, может быть потому, что спустя четыре года, в 1976 году, после многочасового допроса в «органах» Олег рассказывал: «У них, оказывается, все мы значимся не по именам, а под какими-то кличками. У меня, например, кликуха «Орел».

Путь Олега Охепкина в литературе, действительно, с полным основанием можно назвать трагическим парением.

Голодное послевоенное детство в квартире на Фонтанке, доставшейся бабушке Ольге Ивановне по дарственной от одной дворянской семьи, в которой она служила домработницей. Родители расстались, когда Олег с сестрой были в дошкольном возрасте, из-за нервной болезни матери. Чудовищный нищенский быт простой русской семьи, лишенной кормильца. И свет — слабый огонек лампадки под иконой. У Олега была крестная мать, любящая и суровая попечительница из круга почитателей св. Иоанна Кронштадского, сложившегося задолго до его канонизации. Крестная утвердила в мальчике чувство духовного избранничества, героической принадлежности к особому «христианскому люду». Помимо обычной для всех нас шелухи городского, мусорного детства, у него изначально было совсем иное знание — о Церкви. В нем жила любовь к миру невидимому, к Богу. Любовь настолько сильная и всепоглощающая, что сам он не смог ее вынести, пережив в шестнадцатилетнем возрасте свой первый духовный кризис.

Был нервный срыв, юношеский бунт против невыносимой тяжести избранничества — невыносимой для неподготовленной души. Была отчаянная попытка сделаться таким же, как все. Попытка заведомо обреченная и чем-то напоминающая историю сопротивления пророка Ионы приказу идти и проповедовать гибель Ниневии. Впоследствии сюжеты ионы и Иова станут центральными в поэзии Охепкина.

Но как бы то ни было, он, пользуясь метафорой Льва Шестова, оставил Иерусалим ради Афин, хотя с большой натяжкой можно называть Афинами ПТУ, где готовили строителей-реставраторов, хоровой класс музучилища им. Римского-Корсакова и кружок юных поэтов при ДК «Тру-

довые резервы», где Охупкин и познакомился с Д. Даром, В. Соснорой, А. Кушнером.

И все же — как ни есть — но Афины. Римские копии античных статуй в Эрмитаже, где Олег (в одно время с М. Шемякиным, О. Лягачевым, Е. Феоктистовым и другими художниками, поэтами и прозаиками) несколько лет работал такелажником. Классические фасады парадного Петербурга, бесконечные ночные прогулки по псевдоантичному городу, вакхический пафос богемных посиделок с водкой, женщинами и разговорами о литературе, о звездном небе и новейших физических доктринах. Неудачная попытка поступить на классическое отделение филфака ЛГУ. Впрочем, главный жизненный выбор был сделан гораздо раньше — когда Олег пришел в кружок Дара. Почти все знаменитые поэты поколения 50–60-х годов так или иначе соприкасались с «Голосом юности» — официальное название даровского кружка. Среди них имя Олега Охупкина — одно из наиболее ярких и существенных.

Путь поэта начинается с той же точки, что и путь святого — с призыва и обнаружения в себе двойной природы — земной и небесной. Но путь поэта — и здесь коренное отличие от пути святого — определяется не одной вертикалью, не одним устремлением к Высшему. Постоянно и мучительно ощущая двойственную природу своего бытия, поэт никак не в состоянии «излечиться», забыть о той изначальной нравственной ране, которая когда-то стала источником его стихов. Он берedit ее, то и дело возвращается к этой онтологической трещине, давшей ему первоначальное знание и о собственной ничтожности, и о возможном, потенциальном величии.

В этом смысле он вечный «недоносок», междумирок, и его судьба есть ничто иное, как клубящееся пространство между небом и землей, беспрестанно раздирающее личность надвое.

*Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея...*
/Е. Баратынский «Недоносок»/

Баратынский — это ключевая фигура для ленинградской поэзии. На поэтов 60-х, 70-х годов он имел влияние гораздо более сильное, нежели, скажем, Пушкин, Хлебников или Мандельштам. Вне этого влияния трудно понять и стихи Охупкина.

Воскрешение античных мифов на послевоенной ленинградской почве, переосмысление их и — одновременно — сознательная и последовательная архаизация изображения окружающего «страшного мира» нередко давали основания для огульных обвинений во «вторичности» и «литературности» всей новой ленинградской поэзии. Эти обвинения мы слышали как от работников редакций и издательств («мало жизни, мертвечина какая-то, сплошная «душа» в ваших стихах и больше ничего нет..»), так и от московских авангардистов, сделавших обыденный советский (или как они любили говаривать, «собачий») язык основным инструментом своей поэзии и главным объектом психолингвистической критики, вне которой невозможен был более широкий критический взгляд на советский стиль жизни в целом.

Между тем, ленинградский *подчеркнутый* традиционализм был более радикален в своем неприятии обыденной жизни и обыденного языкового сознания. Проецируя бытовые сюжеты на экран «вечных тем» (тема Орфея и Эвридики, тема Амура и Психеи, тема Икара и др.), ленинградские поэты создавали гротескные ситуации, обнажая уродство и чудовищность каждодневного бытия, но одновременно возводили это бытие в ранг мифологического. Именно в Ленинграде, в стихах Олега Охапкина возникла гремучая языковая смесь просторечного до откровенной грубости и высокого до велеречивости стилей речи, заставляющая вспомнить о русской поэзии XVIII века, с ее сближением далековатостей. «Нормальный», литературный, т. е. среднеинтеллигентский язык, срезающий как верх, так и низ языковой пирамиды, деформировался таким образом, что «середина» оказалась как бы расплющенной, «обычная» жизнь перестала быть предметом поэзии.

В начале 70-х годов, после отъезда Бродского, Охапкин — один из самых влиятельных поэтов Ленинграда. Его стихи распространяются в списках. Его поэзия переживает взлет. К нему тянутся молодые авторы. Это связано с направленностью его творчества, где все отчетливей обозначается религиозная тема, и с харизматическим воздействием его личности, его человеческого примера — примера героического стояния личности перед силой окружающей нас казенщины.

Стихи Охапкина 70-х пронизаны религиозными мотивами, и воспринимать их нужно в контексте того процесса, который принято называть «новым русским религиозным возрождением». Охапкин становится в эти годы одним из лидеров не только поэтического движения, но и национального духовного возрождения. Его стихах этих лет Афины и Иерусалим предельно сближены, что создает особое духовное напряжение.

Его деятельность выходит за пределы поэтического творчества: в конце 70-х годов он — участник религиозного семинара Пореша-Огородникова, одного из редакторов православного самиздатовского журнала «Община», разгромленного после первых двух номеров.

В 80-е годы он пишет мало: сказывается тот общий интеллектуально-духовный кризис, который переживает в это время независимая культура. Но сейчас есть все основания предполагать, что кризис этот преодолен — и новые стихи Охапкина отличаются прозрачностью и чистотой, столь редкой для нашей поэзии в наступившую эпоху большей свободы, но и большей смуты.